

«Останкино» борется за чистоту ауры

Жизнь. правда. — 1994. — 4 мая. — С. 6.

Раньше ее рабочий кабинет состоял только из мешков с письмами. Я сама видела фотографию роскошного японского дворца, посланную к ее ногам. Она окружена легендами и слухами, маленькая женщина с тихим, грустным голосом. Ирина Мишина, ведущая «Новостей» первого канала. Бывшая...

В ноябре Мишину сняли с эфира с формулировкой «плохая аура». В ее большой квартире звонков с заманчивыми предложениями не раздается.

Она родилась в благородной и честной семье. Половина мебели в квартире старинная — наследство. Настоящая потомственная дворянка, но от семьи ничего и никого не осталось. Только фотографии.

— Знаешь, когда я на них смотрю, поражают лица — теперь таких не бывает. Благородные, с чувством собственного достоинства...

— Ты сама его всегда сохраняла?

— В мелочах иногда срывается. Однажды, например, в «120 минутах» читаю текст про холода в Хабаровске, про обмороженных людей, а после него сразу идет развеселенный сюжетик из Японии — ну как тут не выругаться?

— А как ты попала на телевидение?

— После школы пошла работать — родителей уже не было. Начала печататься внештатницей в «Московском комсомолец», в «Вечерке», в «Московской правде». Потом пошла на журфак МГУ. Дальше был «Маяк», редакция

международной информации, потом стала вести утренние панорамы. Однажды кто-то из телена начальства меня услышал — взяли на «120 минут». Сначала только на «Орбиту» — то есть в эфир для Сибири и Дальнего Востока. Потом и на Москву. Дальше — «Новости» ИТА.

— Кстати, о «Новостях» — почему все-таки тебя уволили?

— Так ведь меня не уволили, а отстранили от эфира. Не притерешься. И не пробьешься: вокруг сплошная стена.

— Я слышала, ты хотела сделать свою программу?

— Да кому это теперь нужно... Идея была, были даже люди, которые хотели работать. Потом режиссер ушел в «Воскресенье».

— Есть статистика: «Новости» ИТА смотрят только 18 процентов телеаудитории [раньше было 70] — начальство, члены их семей и два с половиной сумасшедших. В сотне километров от Москвы — совсем другая жизнь, и людей интересует совсем иное.

— Я и хотела, чтобы ключевые события недели отбирали сами люди. Не знаю, как — по телефону, по опросам на улицах (и не только московских!), может, просто сидя в студии. И анализировать их должна была не я, не известные политики, а сам зритель.

— Утопия...

— Утопия хотя бы потому, что никто бы этого никогда не допустил. Я несколько раз отдавала заявку руководству, но, по-моему, ее даже не читали. «Останкино» — это же боль-

**Интервью
с опальной
Снегурочкой,
которой
запрещено
встречаться
с прессой**

шое болото. Особенно первый канал. Никто давно уже не думает даже про те жалкие 18 процентов, что их еще смотрят. У корреспондентов совершенно нет возможности нормально жить. Единственный выход — делать «джинсу» (скрытую рекламу. — С. Ш.), «Новости» ею просто забиты. А я этого не выношу и молчать по этому поводу никогда не буду. Потому так и выигрывает НТВ — им это не нужно, они и без того нормально зарабатывают.

— Хорошо, не распаяйся, давай лучше о чем-нибудь веселеньком. О поклонниках, например.

— Вот уж, конечно, веселенькое! Один ко мне на балкон залезал. Потом сигнализация пришлось провести.

— Да ведь ты на четвертом этаже живешь!

— А он через чердак, по балконам.

...Когда я увидела ее впервые, поняла: за такой на четвертый этаж можно и без веревки залезть. Кто-то из журналистов однажды ее назвал: «Снегурочка». Она сидит передо мной. Вокруг красивых глаз — усталая синева: «Какое интервью, ты с ума сошла! Меня же увольят в 24 часа, мне велено с прессой не общаться».

Ее никто не увольнял — просто отстранили от эфира. Для Снегурочки это равносильно прыжку через костер. Но она не растаяла.

Светлана ШАЙДАКОВА.

Фото Олега КОРОЛЕВА.

Мишина Ирина

405.94